

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Уголовно-правовой

((направленность (профиль) / специализация)

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА)

на тему «Лидер преступной иерархии как субъект преступления»

Студент

О.А. Мухторов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

С.В. Кондратюк

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2022

Аннотация

Без правильного определения и юридического закрепления признаков субъекта преступления невозможно привлечь виновного к уголовной ответственности, обеспечив тем самым неотвратимость уголовно-правового воздействия.

В целях обеспечения эффективного противодействия организованной преступности законодателем были внесены поправки в нормы действующего УК РФ, что обусловило возможность привлечения к уголовной ответственности отдельной категории лиц – лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Обозначенный законодателем специальный субъект преступления, а также сама конструкция введённого в Особенную часть УК РФ состава преступления, обусловили бурные научные дискуссии, продолжающиеся в настоящее время на страницах научных публикаций, что свидетельствует об актуальности и высокой практической значимости данной темы работы.

Цель работы: произвести комплексный анализ категории «лидер преступной иерархии», применительно к специальному субъекту отдельных составов преступлений.

Следует обозначить вклад в разработку анализируемого спектра проблем таких авторов как: П.В. Агапов, В.К. Дуюнов, С.Г. Келина, Н.В. Сальников, С.В. Кондратюк, А.Н. Мондохонов, Г.В. Пережогина и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на две главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Понятие, значение и общая характеристика категории «субъект преступления» в российском уголовном праве	6
1.1 Понятие категории «субъект преступления» в российском уголовном праве	6
1.2 Значение категории «субъект преступления» в российском уголовном праве.....	11
1.3 Уголовно-правовые признаки общего субъекта преступления	15
Глава 2 Лидер преступной иерархии как специальный субъект преступления	30
2.1 Понятие специального субъекта преступления в российском уголовном праве.....	30
2.2 Понятие лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления	33
2.3 Проблемы привлечения к уголовной ответственности лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления.....	38
Заключение	46
Список используемой литературы и используемых источников	51

Введение

Актуальность исследования. Без правильного определения и юридического закрепления признаков субъекта преступления невозможно привлечь виновного к уголовной ответственности, обеспечив тем самым неотвратимость уголовно-правового воздействия.

В целях обеспечения эффективного противодействия организованной преступности законодателем были внесены поправки в нормы действующего Уголовного кодекса Российской Федерации [55] (УК РФ), что обусловило возможность привлечения к уголовной ответственности отдельной категории лиц – лиц, занимающих высшее положение в преступной иерархии.

Обозначенный законодателем специальный субъект преступления, а также сама конструкция введённого в Особенную часть УК РФ состава преступления, обусловили бурные научные дискуссии, продолжающиеся в настоящее время на страницах научных публикаций, что свидетельствует об актуальности и высокой практической значимости данной темы работы.

Цель исследования: произвести комплексный анализ категории «лидер преступной иерархии», применительно к специальному субъекту отдельных составов преступлений.

Задачи исследования:

- рассмотреть понятие и значение анализируемых уголовно-правовых категорий применительно к российскому уголовному праву;
- сформулировать уголовно-правовые признаки анализируемой категории как относительно общего, так и относительно специального субъекта противоправного посягательства;
- определить понятие лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления;
- проанализировать проблемы привлечения к уголовной ответственности лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления.

Объект исследования: отношения, связанные с уголовным преследованием лидеров преступной иерархии.

Предмет исследования: уголовно-правовые нормы, а также материалы правоприменительной практики, связанные с реализацией законодательных положений об ответственности лидеров преступной иерархии.

Методология исследования: в основе проведенного исследования метод сравнительного анализа, историко-правовой метод и другие методы, применяемые в современных научных исследованиях в области юриспруденции.

Степень разработанности темы исследования. Тематика данного исследования поднимается в ряде работ отечественных специалистов. Следует обозначить вклад в разработку анализируемого спектра проблем таких авторов как: П.В. Агапов, В.К. Дуюнов, С.Г. Келина, Н.В. Сальников, С.В. Кондратюк, А.Н. Мондохонов, Г.В. Пережогина и других исследователей.

Структура исследования: работа состоит из введения, основной части, разделённой на две главы, заключения и списка используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Понятие, значение и общая характеристика категории «субъект преступления» в российском уголовном праве

1.1 Понятие категории «субъект преступления» в российском уголовном праве

Категория «субъект преступления» является одной из базовых, поскольку представляет собой обязательный элемент состава преступления – правовой конструкции, характеризующей «согласно уголовному закону, определенное общественно опасное деяние как преступление» [50, с. 87] и используемой для квалификации противоправных деяний. Преступление не существует без того конкретного лица, которое его совершило, что предопределяет значение рассматриваемого элемента состава преступного посягательства.

Нормативное определение субъекта преступления в УК РФ, фактически отсутствует. Косвенно, оно обозначено в ст. 19 УК РФ: «Уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом».

Более того, законодатель в нормах УК РФ не пользуется термином «субъект преступления», однако в нем постоянно используются обороты «виновный» (ч. 1 ст. 24 УК РФ, ч. 1 ст. 43 УК РФ и т.д.), «осужденный» (ч. 2 ст. 43 УК РФ, ч. 2 ст. 46 УК РФ и т.д.), «лицо, совершившее преступление» (ч. 2 ст. 57 УК РФ, ст. 75 УК РФ и т.д.), «лицо, признанное виновным в совершении преступления» (ч. 1 ст. 60 УК РФ, ч. 1 ст. 65 УК РФ и т.д.)

Однако в науке уголовного права категория «субъект преступления» активно используется и занимает, несомненно, важное место в контексте исследования вопросов квалификации преступлений.

Само понятие «субъект» многопланово, но применительно к человеку, понимается как: «носитель определённых свойств» [36, с. 675]. В данном

случае имеются в виду свойства, характеризующие лицо, применительно к возможности нести ответственность за совершённое преступление.

Относительно существующей формулировки, относящейся к данной категории в нормах действующего УК РФ, в науке высказывается обоснованная критика. Например, А. Ялин полагает, что «поскольку в ст. 19 УК РФ сформулировано определение субъекта преступления и данная норма имеет наименование «Общие условия уголовной ответственности», то можно сделать обоснованный вывод о том, что категория «субъект преступления» представляет собой непосредственно условие уголовной ответственности, а не элемент состава преступления» [61, с. 51].

В целом, признаки (свойства) субъекта преступления законодатель раскрывает в уголовно-правовых нормах, входящих в главу 4 Общей части УК РФ, именуемой «Лица, подлежащие уголовной ответственности».

Однако, обозначенная глава не предусматривает исчерпывающего перечня признаков субъекта преступления и для уяснения отдельных (специальных) признаков рассматриваемой категории необходимо обращаться к нормам Особенной части УК РФ, что создаёт определённые сложности в целостном восприятии и толковании анализируемой уголовно-правовой категории.

Условно, глава 4 УК РФ содержит указание на базовые признаки субъекта любого преступления, поскольку отсутствие у конкретного индивида любого из обозначенных в ст.ст. 19-21 УК РФ позволяет правоприменителю говорить об отсутствии субъекта преступления и не позволяет, в свою очередь, вести речь о привлечении такового к уголовной ответственности.

Субъект преступления, который соответствует только тем уголовно-правовым критериям, что обозначены в главе 4 УК РФ, принято называть «общий субъект преступления».

В отдельных нормах УК РФ находят своё отражение и иные признаки, относящиеся к анализируемому элементу состава преступления, которые характеризуют субъекта конкретной разновидности противоправного деяния.

То есть, для привлечения лица к ответственности за деяние, применительно к которому закон предусматривает дополнительные признаки, сверх общего перечня, необходимо наличие всех признаков – и общих, и дополнительных (специальных).

То есть, субъект отдельных разновидностей противоправных посягательств, обозначенных в Особенной части УК РФ, по перечню признаков уже, чем общий субъект, поскольку дополнительные признаки, обозначенные в конкретном составе преступления, сужают круг лиц, которые могут выступать субъектом конкретной разновидности противоправного деяния.

Соответственно, при отсутствии таких признаков наличие субъекта данного состава противоправного посягательства полностью исключается.

В науке формулируются различные, но во многом сходные между собой определения понятия субъекта преступления.

Авторский коллектив под редакцией А.В. Бриллиантова даёт следующее определение: «субъектом преступления является лицо, совершившее общественно опасное, запрещенное уголовным законом деяние и способное нести уголовную ответственность» [51, с. 26].

Подобное определение содержится в учебнике под редакцией А.И. Чучаева: «это лицо, совершившее противоправное, общественно опасное деяние, способное нести за него уголовную ответственность» [52, с. 21].

Но в рассматриваемых определениях не раскрываются признаки субъекта преступления, а лишь констатируется, что такое лицо способно нести уголовную ответственность. Условия же при которых оно такую ответственность может нести остаются за границами определения.

Также очень кратко, с опорой на ст. 19 УК РФ, формулируется подход к определению субъекта преступления некоторыми авторами: «субъект преступления, т.е. физическое, вменяемое лицо, совершившее преступление» [53, с. 23]; «субъект преступления – это совершившее преступление вменяемое

физическое лицо, достигшее возраста, установленного уголовным законом» [22, с. 32].

Несмотря на указание на отдельные признаки субъекта преступления в приводимых определениях, их можно считать определением общего субъекта преступления, а не субъекта преступления вообще, поскольку в них не упомянуты признаки, относящиеся к специальному субъекту преступления.

Несколько более содержательным, но, при этом, достаточно кратким, выглядит определение, сформулированное авторским коллективом под редакцией В.К. Дуюнова: «под субъектом преступления понимается физическое лицо, которое совершило запрещённое уголовным законом общественно опасное деяние и обладало при этом предусмотренными законом юридическими признаками» [50, с. 119].

Как представляется, в данном определении оборот «предусмотренные законом юридические признаки» охватывает не только признаки общего субъекта, но и признаки, в том числе, относящиеся к специальному субъекту преступления.

Другие авторы дают ещё более содержательное определение, выделяя и конкретизируя установленные уголовным законом признаки: «субъектом преступления по российскому уголовному праву может быть человек, совершивший умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом, если он достиг установленного возраста, вменяем, а в отдельных случаях также обладает некоторыми специальными признаками, указанными в соответствующей норме» [54, с. 31].

В данном определении уже присутствуют признаки общего субъекта, а также отдельно упоминаются признаки специального субъекта. Тем самым достигается целостность определения.

Таким образом, обобщая отмеченные позиции, можно сформулировать определение понятия «общий субъект преступления» и понятие «субъект преступления»:

Общий субъект преступления – это «вменяемое физическое лицо, достигшее установленного возраста, совершившее умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом».

Данное определение является частным случаем относительно категории «субъект преступления», выступающего обобщающим к категориям общего и специального субъекта противоправного деяния. Его можно определить следующим образом: субъект преступления – это «вменяемое физическое лицо, достигшее установленного возраста, а также обладающее в отдельных случаях специальными юридическими признаками, указанными в соответствующей норме Особенной части УК РФ, совершившее умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом».

В понятийном аспекте, необходимо разграничивать между собой категорию «субъект преступления» и иные смежные категории, например, «личность преступника».

При всей внешней схожести, они не являются тождественными. В частности, как верно отмечается в литературе, «понятие личности преступника включает биологическую и социально-психологическую характеристику лица, совершившего преступление» [53, с. 23].

«Личность преступника как более емкое понятие – носитель самых различных сторон, положительных и отрицательных свойств, признаков и качеств лица, совершившего преступление. В этом случае мы уже можем говорить о личности преступника как категории не уголовно-правовой, а криминологической» [9, с. 71] – пишет В.Н. Бурлаков.

Соответственно, «личность преступника» изучается криминологической, а не уголовно-правовой наукой, хотя и имеет определённое значение для уголовного права. Например, в контексте учёта личностных свойств лица, виновного в совершении преступления, для дифференциации его ответственности и наказания.

В ряде положений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» [41], например, указывается на необходимость учёта данных о личности виновного при мотивировке в приговоре наиболее строгих видов уголовного наказания (п. 27 и п. 28).

В этой связи П.С. Дагелем было верно отмечено: «понятие субъект преступления отвечает на вопрос, кто может нести ответственность за совершенное преступление. Понятие же личность преступника дает ответ, какую ответственность должно нести лицо, совершившее преступное деяние» [13, с. 15].

Таким образом, рассматриваемые категории необходимо правильно разграничивать для достижения соответствующих научных и практических задач.

1.2 Значение категории «субъект преступления» в российском уголовном праве

Значение категории «субъект преступления» многоплановое и предопределяется ролью в квалификации противоправных посягательств, в контексте привлечения к уголовной ответственности.

Во-первых, категория «субъект преступления», как уже было отмечено выше, выступает в качестве обязательного элемента состава преступления и является необходимым условием привлечения виновного к уголовной ответственности, входя в само основание уголовной ответственности.

Отсутствие в конкретном противоправном, по своей природе деянии, имевшем место в действительности, обязательных для конкретного состава противоправного посягательства признаков субъекта преступления, приводит к отсутствию состава преступления в целом.

Данный аспект является несомненно важным, поскольку создаёт гарантии непривлечения к наиболее строгому виду юридической ответственности лиц, привлечение к ответственности которых является

необоснованным с научной, медицинской и, соответственно, нравственной точки зрения.

Критерии, определяющие границу между возможностью и невозможностью быть привлечённым к уголовной ответственности соответствуют базовым принципам уголовного права: в частности, принципу справедливости. Совершенно очевидно, что привлечение к уголовной ответственности и наказание малолетних или недееспособных не будут соответствовать обстоятельствам совершения преступления и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

Во-вторых, отдельные признаки субъекта преступления позволяют провести разграничение сходных между собой деяний и осуществить правильную квалификацию преступления, обеспечив законное и обоснованное привлечение виновного к ответственности.

Как верно отмечается специалистами, «квалификация преступления по конкретному уголовному делу имеет принципиальное значение для решения всех существенных вопросов этого дела. От нее зависит выбор меры пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого, форма расследования (дознание или предварительное следствие), подследственность и подсудность уголовного дела, вид и мера наказания, возможность применения акта амнистии и помилования, условного осуждения и условно-досрочного освобождения осужденного» [44, с. 15].

За ошибочной, построенной вразрез с нормами действующего уголовного законодательства квалификацией, следует вынесение неправосудного судебного решения, что, конечно же, является недопустимым как с точки зрения требований, предъявляемых к приговору суда, так и с точки зрения соответствия общим представлениям о законности и правопорядке, существующим в социуме.

Так, например, злоупотребление полномочиями лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, образует состав преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ «Злоупотребление

полномочиями». Аналогичное деяние, совершенное должностным лицом, будет правильно квалифицировать уже по ст. 285 УК РФ «Злоупотребление должностными полномочиями».

В-третьих, отдельные квалифицирующие, равно, как и привилегирующие обстоятельства, обозначенные в конструкциях конкретных составов преступлений, а также отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к характеристике субъекта преступления, могут быть учтены правоприменителем только в том случае, когда конкретный субъект преступления отвечает соответствующим признакам.

В частности, субъектом привилегированного состава убийства, предусмотренного ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорождённого ребёнка», может быть лишь мать. Применить в качестве обстоятельства, смягчающего наказание обстоятельства, предусмотренного в п. «в» ч. 1 ст. 61 УК РФ можно только к женщине, находящейся в состоянии беременности.

В-четвёртых, отдельные признаки, относящиеся к субъекту, создают возможность (или препятствуют таковой) применения конкретных мер уголовно-правового воздействия.

Законодатель не случайно предусмотрел широкий спектр мер уголовно-правового воздействия, позволяющих достаточно гибко реагировать на противоправное поведение.

Как правильно указывает В.К. Дуюнов, «идеи справедливости и неотвратимости уголовно-правового воздействия и цель предупреждения новых преступлений требуют, чтобы государство, призванное регулировать и охранять наиболее важные общественные отношения от преступных посягательств, обязательно и адекватно реагировало на каждый случай нарушения уголовно-правовой нормы. Естественным, что реакция государства при этом должна быть различной – дифференцированной с учётом характера нарушения» [14, с. 53].

В частности, только в отношении несовершеннолетнего субъекта преступления могут быть применены принудительные меры воспитательного

воздействия (ст. 90 УК РФ), поскольку именно несовершеннолетний возраст субъекта преступления диктует необходимость учёта незрелости личности и её социальной уязвимости. Именно применительно к данной категории лиц государству следует применять самый гибкий и гуманный подход, что и создаёт предпосылки эффективного исправительного воздействия через меры воспитания.

В-пятых, создание по ряду составов специальных признаков субъекта преступления позволяет законодателю учесть особенности конкретных лиц, применительно к занимаемой должности, профессиональной деятельности, возложенным обязанностям и т.д. и, с одной стороны, должным образом учесть общественную опасность противоправного поведения такого субъекта и дать им должную оценку в санкции уголовно-правовой нормы, а с другой стороны создать дополнительные гарантии надлежащего отношения такого субъекта к своим обязанностям.

Например, вовлечение в совершение преступления несовершеннолетнего, совершённое его родителем педагогическим работником либо иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего, является квалифицированным составом преступления и влечёт ответственность по ч. 2 ст. 150 УК РФ.

В-шестых, в ряде случаев, выделение специального субъекта преступления имеет своей целью создание правовой основы для активного и эффективного противодействия организованной преступности, что в современных условиях играет, несомненно, важную роль. В качестве такового законодатель выделяет лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, предусматривая ответственность как за создание данным лицом преступного сообщества (преступной организации) и координации его деятельности (ч. 4 ст. 210 УК РФ), так и за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ).

Таким образом, значение субъекта преступления в общем контексте привлечения к уголовной ответственности за совершение преступления

достаточно многоаспектно и охватывает различные сферы уголовно-правового регулирования.

Далее целесообразно более подробно рассмотреть уголовно-правовые признаки общего субъекта преступления, обозначенные в главе 4 УК РФ.

1.3 Уголовно-правовые признаки общего субъекта преступления

Как можно заметить, из широкого комплекса личностных качеств, применительно к субъекту посягательства, законодателем приняты во внимание и учтены на уровне уголовно-правовых норм лишь связанные с объективной возможностью личности нести ответственность за совершение деяния, запрещённого УК РФ.

Признаки, которым отвечает общий субъект преступления обозначены в тексте главы 4 УК РФ. С учётом ранее сформулированного определения субъекта преступления, основанного на нормативных положениях вышеназванной главы, в качестве уголовно-правовых признаков выделяются следующие:

- физическое лицо;
- достижение возраста уголовной ответственности;
- вменяемость.

Рассмотрим данные признаки более подробно.

Физическое лицо. Как отмечается в литературе, «в настоящее время представляется очевидным, что ни животное, ни неодушевленные предметы не могут совершать преступления» [54, с. 32].

В Российской Федерации быть субъектом уголовной ответственности может лишь физическое лицо – человек, обладающий разумом и свободой воли, с учётом того, что само преступление понимается как явление социальное. Эта позиция соответствует принципам уголовного права, а также концептуальным подходам к определению понятия преступления и целей

уголовного наказания. Тем самым законодатель на данном этапе исключает возможность уголовной ответственности корпоративных субъектов.

Несмотря на то, что фактически деятельность какой-либо организации способна причинить вред правоохраняемым интересам, находящимся под уголовно-правовой защитой, привлечение к уголовной ответственности всегда индивидуальное. К таковой в подобных случаях подлежат привлечению соответствующие руководители организации, ответственные за совершение противоправного деяния.

Однако, в законодательстве ряда зарубежных стран, включая многие страны Европы, практика привлечения корпоративных лиц к уголовной ответственности имеется.

Более того, в Дании, Бельгии, Исландии, Франции быть субъектом уголовно наказуемого деяния может быть не только коммерческая структура, но и органы государственной власти и местного самоуправления.

В теории отечественного уголовного права неоднократно выдвигались предложения, связанные с установлением в нормах УК РФ уголовной ответственности юридических лиц – в том числе, на этапе, предшествующем принятию действующего УК РФ, в период активных рыночных преобразований [19, с. 50].

Преступное посягательство в том виде, в котором оно закреплено в ч. 1 ст. 14 УК РФ может быть совершено только конкретным физическим лицом, которое может понести уголовную ответственность и наказание за содеянное.

Достижение возраста уголовной ответственности. Достижение лицом, преступившим уголовно-правовой запрет, установленного законом возраста, с которого возможно привлечение лица к уголовной ответственности, является одним из первичных, важных и обязательных признаков субъекта преступления.

«Уголовно-правовая теория, так и законодательство различных правовых систем, включая существующую в нашей стране, наступление

уголовной ответственности связывают с возрастом субъекта преступления» [12, с. 109] – обоснованно указывается в публикациях.

В соответствии со ст. 20 УК РФ, уголовной ответственности, по общему правилу, подлежит лицо, которое достигло установленного законом возраста 16 лет. По крайне узкому перечню составов преступлений, нашедших своё отражение в Особенной части УК РФ, законодатель устанавливает пониженную возрастную границу субъекта преступлений – 14 лет. Речь идёт о ряде тяжких преступлений.

Как пишет Л.Д. Гаухман, «УК РФ, при этом, не включает в себя специальную статью, которая предусматривала бы понятие возраста – УК РФ только указывает на возрастные границы наступления уголовной ответственности, в том случае, когда лицо совершает противоправное деяние» [10, с. 22].

До достижения минимальной установленной УК РФ возрастной границы, применительно к составам преступлений, не позволяет нам считать лицо, совершившее противоправное деяния субъектом преступления.

В уголовно-правовой науке, равно, как и в законодательстве разных стран, отсутствует единообразный подход к определению возрастной границы, по достижению которой возможно наступление уголовной ответственности.

По сути, проблему составляет определение той возрастной границы, которая обуславливает возможность лица в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими.

Кроме того, категория «возраст» находит в науке неоднозначное толкование.

Как считает Г.И. Щукина, «возрастом принято называть период развития человека, который характеризуется качественными изменениями в физических и психических процессах, подчиненный особым закономерностям в их протекании» [60, с. 3].

«Понятие возраста, например, можно употреблять в законе чаще всего в одном смысле – как указание на количество прожитого человеком времени, а

основаниями уголовной ответственности являются сам физический возраст и способность в момент совершения преступления регулировать свое поведение» [21, с. 34] – пишут другие авторы.

«В широком смысле под возрастом подразумевается календарный период времени, прошедший от рождения до какого-либо хронологического момента в жизни человека, а в узком смысле возраст – это указанный период психофизического состояния в жизни того или иного лица, с которым связаны как медико-биологические, социально-психологические, так и правовые изменения» [2, с. 20] – представляется, что это, сформулированное Н.Г. Андрюхиным определение возраста, как категории, является наиболее удачным.

Фактически любой возраст индивида всегда может быть охарактеризован определённым уровнем осознанности и проявления воли.

«Понятие общих признаков субъекта преступления, таких как возраст и вменяемость, связаны с характеристикой интеллектуально-волевого отношения к действиям и последствиям» [25, с. 86] – с данным утверждением Н.Ф. Кузнецовой можно согласиться.

Следовательно, говорить о возрасте лица, способного нести уголовную ответственность, можно лишь в контексте его волевых свойств, обуславливающих противоправное поведение.

Определение оптимальной возрастной границы субъекта противоправного посягательства, задача, отнюдь, не простая. Сторонники разных научных точек зрения по данному вопросу, в качестве оптимального, рассматривают возрастной диапазон с 11 до 15 лет, поскольку именно в этот временной промежуток взросления «можно охарактеризовать скоротечным интеллектуальным и волевым развитием личности, что позволяет индивиду соотносить свои побуждения и действия с социальными нормами поведения» [45, с. 109].

Законодательный подход за рубежом не отличается единообразием. В отдельных странах минимальный возраст привлечения к уголовной

ответственности составляет 7 лет – в Йемене, таким образом, уголовной ответственности может быть подвергнут малолетний, что не может не вызывать удивление и вопросы о научной обоснованности такого подхода.

«В некоторых странах минимальная возрастная граница устанавливается на уровне 13 лет, когда речь идет о совершении преступлений, представляющих повышенную общественную опасность (в ряде штатов США, Франции, Узбекистане и др.), с 14 лет (в Болгарии, КНДР, Норвегии, Румынии, Японии, большинстве стран СНГ и т.д.). В ряде скандинавских стран (Дании, Финляндии, Швеции) возраст уголовной ответственности предусмотрен с 15 лет. Однако в законодательствах большинства государств уголовная ответственность в отношении лица, совершившего преступление, наступает по общему правилу с 16 лет» [37, с. 265] – пишет В.Г. Павлов.

С точки зрения психологических исследований, специалисты склонны считать, что «период с 14 до 16 лет является определенной физиологической ступенью в созревании любого человека и что к 14 годам он способен к умозаключениям и может регулировать свое поведение» [42, с. 362].

Современные исследователи утверждают, что снижается возраст лиц, совершающих противоправные посягательства. Наряду с этим растёт общее число преступлений, совершаемых в несовершеннолетнем возрасте.

В итоге, специалисты склонны делать вывод о том, что «при достижении подростком 12-13-летнего возраста он в состоянии реально, осознанно и взвешенно оценивать свое поведение и поступки и может выбирать и прогнозировать, в некотором смысле, варианты своего поведения в объективной действительности, а также последствия своих действий в той или иной конкретной ситуации» [15, с. 90].

Таким образом, специалисты ставят перед законодателем вопрос о возможном изменении возрастной границы субъекта преступлений в сторону её снижения. В некоторых публикациях высказываются мнения о «снижении

существующего возраста привлечения к уголовной ответственности за совершение некоторых преступлений до 12-13-лет» [23, с. 167].

Такая точка зрения соответствует текущим политико-социальным реалиям, с учётом активного и весьма раннего вступления несовершеннолетних во «взрослую жизнь» в общественных рамках, что прослеживается в общем контексте социальных взаимодействий.

Таким образом, опираясь на высказанные предложения, внести изменения в ч. 2 ст. 20 УК РФ, заменив оборот «лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста» на «лица, достигшие ко времени совершения преступления тринадцатилетнего возраста».

Поднятие нижней границы возраста уголовной ответственности соответствует текущей криминогенной обстановке и принимает во внимание психо-возрастную специфику подростков.

Но в науке обсуждаются не только вопросы, связанные со снижением возраста субъекта противоправного посягательства – ряд исследователей задумывается на предмет установления также предельной верхней возрастной границы субъекта. На этот счёт высказываются самые разные точки зрения, безусловно, требующие научного анализа.

В этой связи неоднозначным видится предложение Л.В. Боровых «нормативно закрепить особый механизм реализации уголовной ответственности престарелых в связи с совершением преступления» [8, с. 15].

Вероятно, установление такого механизма необоснованно ни с научной, ни с практической точек зрения. С одной стороны, престарелый возраст – категория условная и разные люди в одном и том же возрасте могут иметь разные социальные, биологические и медицинские характеристики, влияющие на способность нести уголовную ответственность и сводятся к общему вопросу о вменяемости лица, совершившего преступление в преклонном возрасте.

При сомнениях в возможности лица осознавать значение своих действий должна назначаться соответствующая экспертиза, но заведомо предопределять невозможность лица нести ответственность за содеянное лишь до достижения конкретного возраста – совершенно необоснованно.

«Установление верхнего возрастного предела утрачивает смысл, поскольку вопрос переходит на уровень вопроса о вменяемости такого лица» [45, с. 117] – отмечает О.Д. Ситковская.

Вменяемость. Привлечение к уголовной ответственности за виновное противоправное посягательство возможно лишь применительно к вменяемому субъекту.

В соответствии с позицией законодателя, «Лицу, совершившему предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости, судом могут быть назначены принудительные меры медицинского характера, предусмотренные настоящим Кодексом» (ч. 2 ст. 21 УК РФ).

«Вменяемость — это такое состояние психики человека, при котором он в момент совершения общественно опасного деяния был способен осознавать характер своего поведения и руководить им. Имеется в виду не только понимание фактической значимости своих поступков, но и их социальную значимость и при этом сознательно руководить своими действиями, что свойственно только психически здоровым и умственно полноценным людям» [32, с. 42].

«Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое во время совершения общественно опасного деяния находилось в состоянии невменяемости, то есть, не могло осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими вследствие хронического психического расстройства, временного психического расстройства или иного болезненного состояния психики» (ст. 21 УК РФ).

Рассматриваемая выше норма содержит законодательное определение понятия невменяемости.

Оценка категории невменяемости происходит в науке исходя из двух критериев:

- медицинского (биологического),
- юридического (психологического).

Юридический критерий относится к судейской компетенции. Именно суд вправе в рамках правовой оценки субъекта, совершившего противоправное деяние, определить, что данное лицо не может в полной мере осознавать значение своих действий и руководить ими.

Юридический критерий неразрывно связан с медицинским, так как лишь через призму физиологических отклонений, вызванных неким болезненным состоянием, суд может признать и закрепить на правовом уровне вышеназванную неспособность осознавать значение своих действий и руководить ими.

Таким образом, констатация отсутствия вменяемости субъекта, совершившего противоправное посягательство, может быть произведена лишь на основе единства определения медицинского и юридического критериев.

«Невменяемость устанавливается ретроспективно и соотносится со временем совершения общественно опасного деяния. Последующее выздоровление лица не является основанием для привлечения его к уголовной ответственности» [33, с. 61] – отмечается в науке.

Рассмотрим медицинский и юридический критерии невменяемости более подробно.

Медицинский критерий невменяемости. Наименование критерия «медицинский» не случайно, поскольку его наличие может быть определено только путём производства, в установленном законом порядке, судебно-психиатрической экспертизы, на основе научного аппарата, которым оперирует медицина, а если быть более точным – психиатрия.

«Законодателем в обобщённом виде дан исчерпывающий перечень различных формы болезненных расстройств психической деятельности, которые могут сопровождаться утратой способности лица отдавать себе отчёт в своих действиях или руководить ими: хронические психические расстройства, временные психические расстройства, слабоумие, иное болезненное состояние психики» [29, с. 12] – пишут по данному поводу исследователи.

Отсутствие вменяемости как правило связана с тем, что субъект страдает определённым психическим расстройством хронического типа (шизофрения, маниакально-депрессивный психоз, паранойя и т.д.) Данные сложные по своему характеру и тяжести протекания психические болезни с позиций медицинской практики являются сложноизлечимыми.

Помимо подобных заболеваний, лицо может страдать временным расстройством психического здоровья, которое является непродолжительным по времени, но также может обусловить соответствующее состояние невменяемости.

В науке и практике выделяют также такие исключительные состояния, как алкогольный психоз, патологическое опьянение и т.д.

Неспособность лица осознавать значение своих действий и руководить ими также может быть связана с, так называемым, слабоумием.

«Под слабоумием (олигофренией) понимаются различные формы стойкого, малообратимого упадка психической деятельности с поражением интеллекта и необратимыми изменениями личности человека. Слабоумие заключается в значительном понижении умственных способностей и носит постоянный характер. Оно может быть врождённым или приобретается в первые три года жизни в результате перенесённых тяжёлых неврологических заболеваний (например, менингита). Различают три степени поражения психики человека при слабоумии: дебильность (лёгкая степень), имбицильность (средняя степень), идиотия (самая глубокая степень

поражения умственной деятельности)» [34, с. 23] – верно отмечается специалистами.

К числу иных болезненных состояний психики относятся состояния, которые не связаны с наличием психического заболевания, исключительного состояния или слабоумия у лица, но, тем не менее, по своей сути являются разного рода нарушениями психики.

Подобные специфические болезненные состояния могут быть спровоцированы инфекционными заболеваниями, приёмом сильнодействующих наркотических или психоактивных препаратов и т.д.

Юридический же критерий невменяемости соединяет в себе информацию медицинского свойства и трансформирует её в правовое русло, создавая основу для определения способности лица выступать субъектом преступления и нести уголовную ответственность за содеянное.

Сущность рассматриваемого критерия невменяемости в том, что у лица утрачена способность к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий (бездействия), что является интеллектуальным аспектом, либо утрачена способность руководить своими действиями, что является волевым моментом.

По сути, интеллектуальный аспект невменяемости свидетельствует о том, что такое лицо, совершая противоправные действия, не может понимать их опасность для охраняемых уголовным законом общественных отношений.

«Расстройство интеллекта, как правило, вызывает и расстройство воли – лицо не может руководить своими поступками. Однако бывают случаи, когда лицо отдаёт лицу в своих действиях, то есть осознаёт характер своего поведения, но в силу болезненного состояния не может руководить своими действиями. Например, такие состояния возникают у людей, страдающих наркоманией в период наркотического голодания. Лицо хорошо осознаёт преступность своего поведения при хищении или вымогательстве наркотических средств, но при этом не способно сдержаться вследствие

глубокого поражения сферы воли, вызванного наркотической зависимостью» [3, с. 72] – пишут по данному вопросу в ряде научных публикаций.

Для признания лица невменяемым требуется наличие одного из признаков юридического критерия в сочетании с одним из признаков медицинского критерия.

Как пишет И.Л. Кудрявцев, вполне разумно и закономерно предусматривать нормативную возможность привлекать к ответственности лиц, имеющих психические расстройства, которые не исключают вменяемость [24, с. 108].

«1. Вменяемое лицо, которое во время совершения преступления в силу психического расстройства не могло в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) либо руководить ими, подлежит уголовной ответственности.

2. Психическое расстройство, не исключающее вменяемости, учитывается судом при назначении наказания и может служить основанием для назначения принудительных мер медицинского характера» (ст. 22 УК РФ).

«Введение нормы об ограниченной вменяемости вызвано существующей юридической, пенитенциарной и клинико-психологической реальностью в виде широкой распространённости в сфере права лиц с психическими аномалиями (пограничными психическими расстройствами), лимитирующими, но не лишаящими субъекта преступления полностью возможности регулирования своего поведения» [5, с. 40] – так характеризуют введение данной нормы в научных публикациях.

Категория «ограниченная вменяемость», как представляется, адекватно отражает и фиксирует данную реальность для того, чтобы должным образом дифференцировать действия лица, преступающего уголовно-правовой запрет и дать данным действиям правильную правовую оценку.

«Юридический критерий ограниченной вменяемости – неполная мера осознания фактического характера и общественной опасности действий (бездействия) и руководить ими. Наличие юридического критерия

ограниченной вменяемости, как и в случае установления невменяемости, полностью зависит от наличия медицинского критерия. Медицинский критерий ограниченной вменяемости образуют, прежде всего, нарушения в интеллектуальной и эмоционально-волевой сфере, не позволяющие в полной мере осознавать свои поступки и руководить ими» [27, с. 149] – пишут Л.Г. Литвяк и С.К. Абрамян.

Ограниченная вменяемость отличается от невменяемости тем, что в рассматриваемой ситуации у лица сохраняется возможность осознавать значение своих действий и руководить ими, однако ввиду наличия психического расстройства способность к полноценной психической деятельности у лица существенно ограничена – т.е. вменяемость присутствует, но её границы уже, чем у полностью здорового среднестатистического члена общества.

«Наличие медицинского критерия ограниченной вменяемости как психического заболевания и юридического критерия как способности хоть и не в полной мере, но осознавать свои действия (бездействие), руководить ими обуславливают возможность привлечения лица к уголовной ответственности» [43, с. 207] – пишет М.Ю. Рыпунов.

В отличие от расстройств, характерных для невменяемых, психическое расстройство, не исключающее вменяемости, не носит патологического характера, то есть не является болезнью. Указанные аномалии характеризуются дисбалансом сил возбуждения и торможения.

В силу многообразия аномальных процессов и состояний законодатель отказался от их перечневого метода, приемлемого для описания медицинского критерия невменяемости. Болезненные состояния, характеризующие невменяемость, вполне конкретны и численно ограничены известными в психиатрии болезнями.

По словам М.Ю. Милаевой, «к психическим состояниям аномального типа следует, в частности, относить типы характера - холерический и меланхолический, а также невроты, психопатии. К аномальным психическим

процессам относятся временные психические развития, которые, однако, нарушают баланс процессов возбуждения и торможения. Некоторые из таких аномальных процессов нашли отражение в перечне обстоятельств, смягчающих наказание (ст. 61 УК РФ). Это, например, беременность, при которой женщина зачастую бывает обуреваема приступами агрессии, противоправность или аморальность поведения потерпевшего, что может вызвать состояние аффекта и другие» [28, с. 53].

В частности, аномалиями психического плана можно считать акцентуализации характера, которыми являются отдельные черты характера, усиленные в силу различных причин до той степени, при которой «адаптационные возможности субъекта значительно снижаются в условиях эмоциогенной ситуации» [58, с. 55].

Рассмотрев и охарактеризовав, так называемого, общего субъекта преступления, проанализировав обязательные признаки, позволяющие рассматривать конкретного индивида, преступившего уголовно-правовой запрет, в качестве лица, способного нести за это уголовную ответственность.

Однако, в ряде составов преступлений присутствует специальный субъект – гораздо более узкая категория лиц, обладающих специальным признаком (признаками). Уделим внимание этой категории, в контексте противодействия организованной преступности.

Подводя итоги первой главы работы, сформулируем следующие выводы.

Следует констатировать отсутствие законодательного определения категории «субъект преступления». Обобщая высказанные в науке точки зрения, можно сформулировать вышеобозначенное определение данного понятия, включающего в себя все значимые аспекты искомой уголовно-правовой категории.

Значение категории «субъект преступления» многоплановое и предопределяется ролью в квалификации противоправных посягательств, в контексте привлечения к уголовной ответственности.

Во-первых, данная категория выступает в качестве обязательного элемента состава преступления и является необходимым условием привлечения виновного к уголовной ответственности, входя в само основание уголовной ответственности. Отсутствие в конкретном противоправном, по своей природе деянии, имевшем место в действительности, обязательных для конкретного состава противоправного посягательства признаков субъекта преступления, приводит к отсутствию состав преступления в целом.

Во-вторых, отдельные признаки субъекта преступления позволяют провести разграничение сходных между собой деяний и осуществить правильную квалификацию преступления, обеспечив законное и обоснованное привлечение виновного к ответственности.

В-третьих, отдельные квалифицирующие, равно, как и привилегирующие обстоятельства, обозначенные в конструкциях конкретных составов преступлений, а также отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к характеристике субъекта преступления, могут быть учтены правоприменителем только в том случае, когда конкретный субъект преступления отвечает соответствующим признакам.

В-четвёртых, отдельные признаки, относящиеся к субъекту, создают возможность (или препятствуют таковой) применения конкретных мер уголовно-правового воздействия.

В-пятых, создание по ряду составов специальных признаков субъекта преступления позволяет законодателю учесть особенности конкретных лиц, применительно к занимаемой должности, профессиональной деятельности, возложенным обязанностям и т.д. и, с одной стороны, должным образом учесть общественную опасность противоправного поведения такого субъекта и дать им должную оценку в санкции уголовно-правовой нормы, а с другой стороны создать дополнительные гарантии надлежащего отношения такого субъекта к своим обязанностям.

В-шестых, в ряде случаев, выделение специального субъекта преступления имеет своей целью создание правовой основы для активного и

эффективного противодействия организованной преступности, что в современных условиях играет, несомненно, важную роль. В качестве такового законодатель выделяет лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Признаки, которым отвечает общий субъект преступления обозначены в тексте главы 4 УК РФ. С учётом ранее сформулированного определения субъекта преступления, основанного на нормативных положениях вышеназванной главы, в качестве уголовно-правовых признаков выделяются следующие:

- физическое лицо;
- достижение возраста уголовной ответственности;
- вменяемость.

Однако, в ряде составов преступлений присутствует специальный субъект – гораздо более узкая категория лиц, обладающих специальным признаком (признаками).

Глава 2 Лидер преступной иерархии как специальный субъект преступления

2.1 Понятие специального субъекта преступления в российском уголовном праве

В науке современного уголовного права категория «специальный субъект преступления» применяется в целях обозначения лица, привлечение к уголовной ответственности которого обуславливается наличием у данного лица не только общих признаков субъекта преступления, но и специфических признаков, применительно к конкретному составу преступления.

Соответственно, если в диспозиции уголовно-правовой нормы указан дополнительный признак, характеризующий субъекта данного преступления, но у конкретного лица, совершившего такое противоправное посягательство указанного признака нет, следует говорить об отсутствии в деянии данного лица состава преступления.

В теории уголовного права признаки специального субъекта преступления относят к числу факультативных, но данное определение необходимо уточнить: рассматриваемый признак является факультативным не для состава преступления, а для общего субъекта преступления.

Применительно к конкретизированному в УК РФ деянию специальные признаки виновного будут выступать как необходимые и не могут нивелироваться. Как указывается авторами, «в логическом процессе квалификации преступления признак специального субъекта иногда выявляется прежде, чем возраст и вменяемость» [54, с. 35].

При этом, следует отметить, что понятие специального субъекта преступления, равно, как и субъекта преступления вообще, не находит нормативного закрепления в положениях действующего УК РФ, при всей очевидности необходимости определения таковых.

Установление специальных признаков субъекта преступления необходимо, если таковые есть в соответствующей уголовно-правовой норме.

Дополнительный признак, характеризующий виновное в совершении противоправного деяния лицо, может рассматриваться, в первую очередь, как признак составообразующий, но в ряде составов преступлений, такое свойство может играть роль квалифицирующего признака, когда наличие признака специального субъекта преступления увеличивает общественную опасность содеянного и требует более жёсткой реакции со стороны государства.

Как пишет Ю.В. Тарасова, анализ уголовного законодательства показывает, что «существует достаточно много норм, которые в качестве квалифицирующего признака учитывают именно специальный субъект преступления» [48, с. 47].

В отдельных случаях специальный субъект преступления предусматривается и в привилегированных составах, как например ст. 106 УК РФ «Убийство матерью новорождённого ребёнка», где санкция уголовно-правовой нормы менее репрессивна, но в большинстве случаев специальные признаки, предусмотренные для субъекта отдельных преступлений, имеют характер составообразующих, либо квалифицирующих.

Значение категории специального субъекта преступления несомненно велико, поскольку оно позволяет правоприменителю подходить к уголовно-правовой оценке содеянного лицом более индивидуализированно и конкретизированно, учитывая не только общие свойства лица, предполагающие его способность нести уголовную ответственность, но и те специальные его особенности, создающие саму противоправность посягательства, или же возводящего общественную опасность посягательства на новый уровень. Обезличенность в подходе к личности преступника несколько отступает на задний план, а на переднем плане возникают максимально индивидуализированные специфические особенности субъекта преступления, определяющие характер и степень общественной опасности содеянного.

Научные определения специального субъекта довольно схожи между собой, но обладают определённым авторским своеобразием. Например, авторский коллектив под редакцией А.И. Чучаева указывает, что: «субъекта преступления, который помимо физической природы, необходимого возраста и вменяемости характеризуется каким-либо дополнительным признаком, принято называть специальным» [52, с. 25].

В данном определении ключевая характеристика специального субъекта в виде «дополнительного признака» сформулировано очень абстрактно, поскольку не вполне понятно где обозначен такой признак.

По мнению других авторов, специальным субъектом преступления признается: «лицо, которое помимо основных признаков субъекта преступления должно обладать еще и дополнительным признаком, указанным в диспозиции статьи Особенной части УК РФ» [51, с. 28].

Во втором определении общие признаки субъекта преступления не конкретизированы, но специальный признак определён достаточно полно.

Основываясь на ранее высказанном предложении, связанном с определением понятия субъекта преступления, можно сформулировать следующее определение специального субъекта преступления: специальный субъект преступления – это вменяемое физическое лицо, совершившее умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом, обладающее специальными юридическими признаками, указанными в соответствующей норме Особенной части УК РФ, без наличия которых лицо не может нести уголовную ответственность за данное деяние.

Как уже было отмечено ранее, в ряде случаев, выделение специального субъекта преступления имеет своей целью создание правовой основы для активного и эффективного противодействия организованной преступности, что в современных условиях играет, несомненно, важную роль. В качестве такового законодатель выделяет лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, предусматривая ответственность как за создание

данном лицом преступного сообщества (преступной организации) и координации его деятельности (ч. 4 ст. 210 УК РФ), так и за сам факт занятия высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹ УК РФ), что является значимым нововведением, появившимся в нормах действующего УК РФ с принятием Федерального закона от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ [56].

С учётом значимости данной законодательной новеллы, рассмотрим далее вопросы, связанные с понятием лидера преступной иерархии, как специального субъекта преступления, а также проанализируем проблемы привлечения такового к уголовной ответственности.

2.2 Понятие лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления

Законодательная новелла в виде выделения в нормах Особенной части УК РФ специального субъекта, именуемого «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии», изначально вызывала бурные дискуссии, которые не утихли и спустя три года с внесения данного дополнения.

В первую очередь, обращает на себя внимание максимальная лаконичность формулировки ст. 210¹ УК РФ – диспозиция рассматриваемой статьи, как верно отмечается исследователями, «полностью совпадает с её названием» [39, с. 502], что не может не вызывать удивления.

Законодатель не предпринял никаких шагов для уточнения введённой в текст уголовного закона категории – соответствующее понятие не уточняется и не раскрывается. Кроме того, отсутствуют нормативные признаки данного специального субъекта преступлений, предусмотренных ст.ст. 210 и 210¹ УК РФ.

Нужно ли нормативное определение выделенного законодателем специального субъекта преступления? Ответ очевиден: анализируемая новелла призвана усилить противодействие организованной преступности, путём привлечения к уголовной ответственности реальных лидеров

преступной среды, известным образом упрощая привлечение к уголовной ответственности данных лиц. Но подобная высокая задача, адресованная правоприменителю, должна реализовываться на прочной и чёткой законодательной основе, а первичная составляющая этой основы – чёткое научное определение лица, привлечение к ответственности которого законодатель криминализировал – ст. 210¹ УК РФ фактически предусматривает ответственность за пребывание лица в соответствующем статусе, а не за его противоправные действия, что отводит правильному определению специального субъекта данного преступления особое место.

По сути, единственный на данный момент путь уяснения содержания признаков лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, это обращение к научному анализу теоретических положений криминологической науки. Имеющаяся диспозиция уголовно-правовой нормы вызывает множество вопросов как с точки зрения теории, так и с практической точки зрения.

В этой связи, следует согласиться с А.Н. Мондохоновым в том, что «основной проблемой применения рассматриваемой новеллы уголовного закона является ее криминологическая составляющая, которая не имеет однозначного толкования и требует формирования судебной практики» [31, с. 183].

Использование в тексте закона столь неоднозначных категорий лишает правоприменение конкретики и необходимой чёткости. Не только «лидерство в преступной иерархии» не имеет однозначного подхода в плане толкования, но и сама категория «преступная иерархия».

В словаре русского языка под категорией «иерархия» понимается «порядок подчинения низших (чинов, должностей и т.д.) высшим» [36, с. 206].

Похожее определение содержится в толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова: «порядок подчинения низших высшим по точно определённым степеням, градации» [49, с. 446].

Таким образом, иерархия предполагает чёткий порядок подчинения «по вертикали», в соответствии с установленной, применительно к конкретной иерархии, структурой. О какой же иерархической структуре идёт речь?

Согласно доктрине преступная иерархия – это система отношений, сложившихся в преступном сообществе (преступной организации) у лиц, придерживающихся криминальной (воровской) идеологии [57].

В специальной криминологической литературе чаще всего идёт речь о, так называемой, «тюремной иерархии», однако, это понятие не равнозначно категории «преступная иерархия».

Как верно отмечает Г.В. Пережогина, «определение преступной иерархии выходит за рамки пенитенциарных учреждений и является более широким и включающим большое количество участников, связей и функций. Для определения понятия «преступная иерархия» необходимо изучение как особенностей тюремной иерархии, так и иных явлений, свидетельствующих о занятии лицом высшего положения в преступной иерархии» [38, с. 44].

На неравнозначность данных категорий указывают и другие специалисты [57]. Лицо может занимать высшее положение в преступной иерархии и без так называемого «тюремного статуса», подчёркивает Г.В. Пережогина, «его могут наделить такими «полномочиями» участники преступного сообщества (организации)» [38, с. 44].

А.В. Куракин и А.Н. Сухаренко также подчёркивают, что «по содержанию преступная иерархия шире тюремной, поскольку влияет на поведение членов преступного сообщества и вне мест лишения свободы» [26].

Исходя из проанализированных позиций, используемый в тексте уголовного закона, оборот «преступная иерархия» является более широким. Но чем шире категория, при отсутствии её легального определения, тем сильнее «размываются» границы определения специального субъекта.

В ряде научных публикаций предпринимаются попытки определить содержание понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной

иерархии», или «лидер преступной иерархии», но единообразия подходов по-прежнему не наблюдается.

А.Я. Гришко считает, что лидер преступной иерархии – это «лидеры организованной преступной среды, активные криминальные деятели, доказавшие свою верность преступным идеям, связям, соучастникам и выполняющие широкие организаторские функции в преступной среде» [11, с. 86].

При этом, автор ставит знак равенства между анализируемым оборотом и оборотом «вор в законе».

А.В. Шеслер также полагает, что «такими лидерами следует считать воров в законе – лиц, обладающих организационно-распорядительными функциями и безоговорочным авторитетом у носителей криминальной (воровской) идеологии, соблюдающих правила подчиненности нижестоящих участников преступной среды вышестоящим» [59].

Как следует из текста Апелляционного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г. № 51-АПУ18-4 [4], «вор в законе» – это лицо, занимающее высшее положение в криминальной иерархии, в связи с чем обладает непререкаемым авторитетом в криминальном мире со всеми его представителями, находящимися ниже его самого. Применительно к рассматриваемой апелляционной жалобе, Судебной коллегией Верховного Суда РФ указано, что подтверждением того, что лицо занимает высшее положение в преступной иерархии, может выступать: «осуществление организационных и управленческих функций в отношении преступного сообщества и его участников; подбор и вербовка руководителей входящих в его состав структурных подразделений, а также контроль за их действиями; планирование и координация деятельности преступной организации и т.д.» [4].

В публикациях указывается: «Статус вора в законе предполагает наличие у его носителя, кроме всего прочего, функций руководителя (координатора) уголовной среды. Такие лица создают устойчивые преступные

связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и перераспределением (присвоением) преступных доходов, руководят преступными действиями лиц, занимающих иное положение в иерархии преступного сообщества» [30].

В этой связи представляется обоснованным вывод Н.С. Беркумбаева и А.Р. Егорова о том, что под лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии, следует понимать «лицо, занимающееся организаторской деятельностью (координация, налаживание связей, построение структуры и системы членства, применение мер по сохранению устойчивости, поддержанию дисциплины) и (или) формированием, распределением денежных средств внутри преступного сообщества либо финансированием преступной деятельности» [6, с. 419].

Обобщая имеющиеся подходы в определении лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии или лидера преступной иерархии, следует сделать вывод о том, что в данном уголовно-правовом статусе (в качестве специального субъекта преступления) выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее организационно-распорядительными (координирующими) функциями применительно к носителям криминальной идеологии, соблюдающим правила подчиненности нижестоящих участников преступной среды вышестоящим.

Как уже было отмечено, иерархия предполагает чёткий порядок подчинения «по вертикали», в соответствии с установленной, применительно к конкретной иерархии, структурой.

Внесение ясности в вопросе определения специального субъекта преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, может быть произведено путём уточнения диспозиции данной уголовно-правовой нормы, или же, как минимум, путём дополнения соответствующим определением действующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О

судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [40].

2.3 Проблемы привлечения к уголовной ответственности лидера преступной иерархии как специального субъекта преступления

Отсутствие легального определения лидера преступной иерархии является лишь частью общей проблематики привлечения к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ, поскольку сам состав данного уголовно наказуемого деяния вызывает множество вопросов как теоретического, так и практического плана.

К сожалению, судебное толкование на данный момент не содержит исчерпывающих ответов на возникающие у правоприменителя вопросы.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 24 постановления от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [40] выразил свою позицию, адресованную нижестоящим судам, в вопросе установления занятия лицом высшего положения в преступной иерархии. Для этого судам рекомендовано выяснить, в чем конкретно выразились действия такого лица по созданию или по руководству преступным сообществом (преступной организацией); по координации преступных действий, созданию устойчивых связей между различными самостоятельно действующими организованными группами; по разделу сфер преступного влияния и преступных доходов, а также другие преступные действия, свидетельствующие о его авторитете и лидерстве в преступном сообществе. О лидерстве такого лица в преступной иерархии могут свидетельствовать и связи с экстремистскими и (или) террористическими организациями или наличие коррупционных связей и т.п.

Исходя из того, что Пленум Верховного Суда РФ анализирует вопрос толкования квалифицированного состава преступления, предусмотренного

ч. 4 ст. 210 УК РФ, вопрос определения лидерства лица в преступной иерархии сводится к содержанию преступных действий лица в данном специальном статусе. Но в рамках новой ст. 210¹ УК РФ ответственность специального субъекта наступает в связи с фактическим наличием анализируемого статуса, что является важным и весьма дискуссионным аспектом данного специфического состава преступления.

В соответствии со ст. 8 УК РФ, единственным основанием уголовной ответственности выступает совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, а не, так называемое в уголовно-правовой науке, «опасное состояние личности».

В этой связи, Н.Г. Кадников резонно замечает, что «дополнение УК РФ ст. 210¹ является фактически признанием того, что наряду с деянием, содержащим признаки состава преступления, основанием уголовной ответственности признается и опасное состояние личности. В этом смысле просматривается переход к положениям социологической школы уголовного права» [17, с. 53].

Как обоснованно указывается В.А. Новиковым, «высшее положение в преступной иерархии лицо занимает не по причине руководства организованной группой, бандой или преступной организацией, а вследствие особого статуса в криминальном мире, который формируется в течение всей жизни и обусловлен множеством обстоятельств» [35, с. 113].

Так за что именно надлежит осуществлять привлечение к уголовной ответственности по ст. 210¹ УК РФ? Проанализируем отдельные элементы объективной и субъективной стороны рассматриваемого деяния.

В отдельных публикациях специалисты обращают внимание на неоднозначность в вопросе толкования оборота «занятие высшего положения в преступной иерархии». П.А. Скобликов пишет о том, что «под занятием высшего положения в преступной иерархии с позиций грамматического толкования диспозиции статьи 210¹ УК РФ можно понимать как состояние человека, так и процесс достижения такого состояния» [46, с. 147].

В одном случае ответственность лица наступает за то, что лицо заняло высшее место в преступной иерархии (за достижение данного результата), а во втором случае – за то, что пребывает в данном статусе неопределённое время (за обладание данным статусом).

Как верно в этой связи отмечает В.Г. Степанов-Егиянц, «в первом случае имеет место однократное событие, а во втором – длящееся деяние» [47, с. 60].

А.В. Катанов и Р.Р. Румянцева также считают, что объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, образует деятельность, связанная с занятием лицом высшего положения в преступной иерархии [18, с. 58].

Следует согласиться с выводами П.В. Агапова, Н.В. Сальникова и С.В. Кондратюка о том, что «занятие лицом высшего положения в преступной иерархии следует рассматривать в совершении действий, направленных на приобретение лицом в процессе инициации иными статусными лицами криминальной среды высшего положения в преступном мире и получение в связи с этим статуса, подразумевающего осуществление деятельности по поддержанию норм криминального образа жизни и обеспечению устойчивости преступной среды, а также удержание указанного положения посредством пребывания лица в соответствующем статусе и осуществления обусловленных им полномочий» [1, с. 52].

То есть, ключевой составляющей объективной стороны анализируемого состава преступления выступает способ совершения деяния, установление которого имеет важное квалифицирующее значение.

Таким образом, с точки зрения объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 210¹ УК РФ, занятие высшего положения в преступной иерархии можно охарактеризовать рядом взаимосвязанных этапов. С.В. Кондратюк выделяет следующие этапы: подготовительный; исполнительский; завершающий [20, с. 196].

Анализ научных мнений по данному вопросу позволяет сделать вывод о том, что подготовка к занятию высшего положения в преступной иерархии включает в себя действия по подбору и предварительному обсуждению

кандидатуры претендента на данную роль. После подбора и утверждения претендента инициируется процедура присвоения лицу анализируемого специального статуса.

Подобная процедура, как указывается исследователями, «носит обрядовый характер и осуществляется лицами, обладающими возможностью, в соответствии с устоявшимися традициями преступных сообществ, определять положение иных лиц в иерархии преступного мира» [16].

Таким образом, представителями преступного мира на специальном собрании (так называемой, «воровской сходке») осуществляется обсуждение выдвинутой кандидатуры, после чего соответствующее лицо решением статусных лидеров после проведения ритуальной процедуры («крещения» или «коронации») утверждается в обозначенном статусе.

Под «воровской сходкой» в анализируемом аспекте следует понимать «неформальное собрание авторитетных членов высшей иерархии воровского мира, необходимым атрибутом которой является присутствие нескольких статусных лидеров, ранее прошедших подобную инициацию» [7].

В содержание завершающего этапа присвоения лицу высшего положения в преступной иерархии, как отмечается С.В. Кондратюком, входит выполнение данным лицом «действий по подтверждению приобретенного статуса, например, путем организации и участия в совершении новых преступлений. Также необходимым элементом завершающего этапа является распространение соисполнителями среди неопределенного круга заинтересованных лиц сведений о признании лица-претендента преступным лидером» [20, с. 196].

Как представляется, невыполнение какого-либо из обозначенных действий, характеризующих способ совершения анализируемого преступления, не позволяет нам считать деяние окончанным.

С точки зрения субъективной стороны анализируемого деяния, предполагается исключительно умышленная форма вины, поскольку субъект преступления сознательно стремится занять высшее положение в преступной

иерархии. Очевидна однозначная причинно-следственная связь между способом совершения, субъектом и субъективной стороной данного преступления.

Мотивы и цели занятия высшего положения в преступной иерархии не имеют квалифицирующего значения, поскольку не указаны в диспозиции ст. 210¹ УК РФ, однако могут влиять на дифференциацию и индивидуализацию уголовного наказания, применительно к конкретному лицу.

Таким образом, с учётом отсутствия законодательных ориентиров, позволяющих адекватно и однозначно определить содержание оценочных категорий, используемых законодателем при криминализации занятия высшего положения в преступной иерархии, представляется целесообразным включить в действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» [40] соответствующие разъяснения. Это позволит добиться стабилизации практики применения ст. 210¹ УК РФ и конкретизировать подход к правильной квалификации данного преступления.

Завершая анализ вопросов, входящих в содержание второй главы работы, сформулируем следующие выводы и предложения, направленные на совершенствование существующего регулирования.

Понятие специального субъекта преступления, равно, как и субъекта преступления вообще, не находит нормативного закрепления в положениях действующего УК РФ, при всей очевидности необходимости определения таковых.

Основываясь на ранее высказанном предложении, связанном с определением понятия субъекта преступления, можно сформулировать следующее определение специального субъекта преступления: специальный субъект преступления – это вменяемое физическое лицо, совершившее

умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом, обладающее специальными юридическими признаками, указанными в соответствующей норме Особенной части УК РФ, без наличия которых лицо не может нести уголовную ответственность за данное деяние.

Значение категории специального субъекта преступления несомненно велико, поскольку оно позволяет правоприменителю подходить к уголовно-правовой оценке содеянного лицом более индивидуализированно и конкретизированно, учитывая не только общие свойства лица, предполагающие его способность нести уголовную ответственность, но и те специальные его особенности, создающие саму противоправность посягательства, или же возводящего общественную опасность посягательства на новый уровень. Обезличенность в подходе к личности преступника несколько отступает на задний план, а на переднем плане возникают максимально индивидуализированные специфические особенности субъекта преступления, предопределяющие характер и степень общественной опасности содеянного.

Пристального внимания исследователей заслуживает спектр вопросов, связанных с выделением в нормах Особенной части УК РФ специального субъекта, именуемого «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии».

Законодатель не предпринял никаких шагов для уточнения введённой в текст уголовного закона категории – соответствующее понятие не уточняется и не раскрывается.

Анализируемая новелла призвана усилить противодействие организованной преступности, путём привлечения к уголовной ответственности реальных лидеров преступной среды, известным образом упрощая привлечение к уголовной ответственности данных лиц.

Но подобная высокая задача, адресованная правоприменителю, должна реализовываться на прочной и чёткой законодательной основе, а первичная

составляющая этой основы – чёткое научное определение лица, привлечение к ответственности которого законодатель криминализировал – ст. 210¹ УК РФ фактически предусматривает ответственность за пребывание лица в соответствующем статусе, а не за его противоправные действия, что отводит правильному определению специального субъекта данного преступления особое место.

Исходя из проанализированных позиций, используемый в тексте уголовного закона, оборот «преступная иерархия» является более широким. Но чем шире категория, при отсутствии её легального определения, тем сильнее «размываются» границы определения специального субъекта. В ряде научных публикаций предпринимаются попытки определить содержание понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», или «лидер преступной иерархии», но единообразия подходов по-прежнему не наблюдается.

Обобщая имеющиеся подходы в определении лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии или лидера преступной иерархии, следует сделать вывод о том, что в данном уголовно-правовом статусе (в качестве специального субъекта преступления) выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее организационно-распорядительными (координирующими) функциями применительно к носителям криминальной идеологии.

Помимо отсутствия легального определения анализируемой категории специального субъекта преступления, сам состав уголовно наказуемого деяния, закреплённого в ст. 210¹ УК РФ, вызывает множество проблем как теоретического, так и практического плана.

Ключевой составляющей объективной стороны анализируемого состава преступления выступает способ совершения деяния, установление которого имеет важное квалифицирующее значение. Представляется, что занятие лицом высшего положения в преступной иерархии можно охарактеризовать рядом взаимосвязанных этапов.

Подготовка к занятию высшего положения в преступной иерархии включает в себя действия по подбору и предварительному обсуждению кандидатуры претендента на данную роль. После подбора и утверждения претендента инициируется процедура присвоения лицу анализируемого специального статуса, которая носит обрядовый характер.

В содержание завершающего этапа присвоения лицу высшего положения в преступной иерархии входит выполнение данным лицом действий по подтверждению приобретенного статуса.

Как представляется, невыполнение какого-либо из обозначенных действий, характеризующих способ совершения анализируемого преступления, не позволяет нам считать деяние окончанным.

С учётом отсутствия законодательных ориентиров, позволяющих адекватно и однозначно определить содержание оценочных категорий, используемых законодателем при криминализации занятия высшего положения в преступной иерархии, представляется целесообразным включить в действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» соответствующие разъяснения. Это позволит добиться стабилизации практики применения ст. 210¹ УК РФ и конкретизировать подход к правильной квалификации данного преступления.

Заключение

В заключении работы сформулируем следующие выводы и предложения, направленные на совершенствование существующего регулирования.

Следует констатировать отсутствие законодательного определения категории «субъект преступления». Обобщая высказанные в науке точки зрения, можно сформулировать следующее определение данного понятия: «субъект преступления – это вменяемое физическое лицо, достигшее установленного возраста, а также обладающее в отдельных случаях специальными юридическими признаками, указанными в соответствующей норме Особенной части УК РФ, совершившее умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом».

Значение категории «субъект преступления» широко и многогранно.

Во-первых, данная категория выступает в качестве обязательного элемента состава преступления и является необходимым условием привлечения виновного к уголовной ответственности, входя в само основание уголовной ответственности. Отсутствие в конкретном противоправном, по своей природе деянии, имевшем место в действительности, обязательных для конкретного состава противоправного посягательства признаков субъекта преступления, приводит к отсутствию состава преступления в целом.

Во-вторых, отдельные признаки субъекта преступления позволяют провести разграничение сходных между собой деяний и осуществить правильную квалификацию преступления, обеспечив законное и обоснованное привлечение виновного к ответственности.

В-третьих, отдельные квалифицирующие, равно, как и привилегирующие обстоятельства, обозначенные в конструкциях конкретных составов преступлений, а также отягчающие и смягчающие обстоятельства, относящиеся к характеристике субъекта преступления, могут быть учтены

правоприменителем только в том случае, когда конкретный субъект преступления отвечает соответствующим признакам.

В-четвёртых, отдельные признаки, характеризующие субъекта преступления, создают возможность или, наоборот, невозможность применения конкретных мер уголовно-правового воздействия.

В-пятых, создание по ряду составов специальных признаков субъекта преступления позволяет законодателю учесть особенности конкретных лиц, применительно к занимаемой должности, профессиональной деятельности, возложенным обязанностям и т.д. и, с одной стороны, должным образом учесть общественную опасность противоправного поведения такого субъекта и дать им должную оценку в санкции уголовно-правовой нормы, а с другой стороны создать дополнительные гарантии надлежащего отношения такого субъекта к своим обязанностям.

В-шестых, в ряде случаев, выделение специального субъекта преступления имеет своей целью создание правовой основы для активного и эффективного противодействия организованной преступности, что в современных условиях играет, несомненно, важную роль. В качестве такового законодатель выделяет лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии.

Признаки, которым отвечает общий субъект преступления обозначены в тексте главы 4 УК РФ. С учётом ранее сформулированного определения субъекта преступления, основанного на нормативных положениях вышеназванной главы, в качестве уголовно-правовых признаков выделяются следующие: физическое лицо; достижение возраста уголовной ответственности; вменяемость.

Однако, в ряде составов преступлений присутствует специальный субъект – гораздо более узкая категория лиц, обладающих специальным признаком (признаками).

Базовые понятия, относящиеся к субъекту преступления, не находят нормативного закрепления в положениях действующего УК РФ, при всей очевидности необходимости определения таковых.

Основываясь на ранее высказанном предложении, связанном с определением понятия субъекта преступления, можно сформулировать следующее определение специального субъекта преступления: «специальный субъект преступления – это вменяемое физическое лицо, совершившее умышленно или неосторожно общественно опасное деяние, ответственность за которое предусмотрена уголовным законом, обладающее специальными юридическими признаками, указанными в соответствующей норме Особенной части УК РФ, без наличия которых лицо не может нести уголовную ответственность за данное деяние».

Значение категории специального субъекта преступления несомненно велико, поскольку оно позволяет правоприменителю подходить к уголовно-правовой оценке содеянного лицом более индивидуализированно и конкретизированно, учитывая не только общие свойства лица, предполагающие его способность нести уголовную ответственность, но и те специальные его особенности, создающие саму противоправность посягательства, или же возводящего общественную опасность посягательства на новый уровень. Обезличенность в подходе к личности преступника несколько отступает на задний план, а на переднем плане возникают максимально индивидуализированные специфические особенности субъекта преступления, предопределяющие характер и степень общественной опасности содеянного.

Пристального внимания исследователей заслуживает спектр вопросов, связанных с выделением в нормах УК РФ специального субъекта, именуемого «лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии».

Законодатель не предпринял никаких шагов для уточнения введенной в текст уголовного закона категории – соответствующее понятие не уточняется и не раскрывается. Анализируемая новелла призвана усилить

противодействие организованной преступности, путём привлечения к уголовной ответственности реальных лидеров преступной среды, известным образом упрощая привлечение к уголовной ответственности данных лиц. Но подобная высокая задача, адресованная правоприменителю, должна реализовываться на прочной и чёткой законодательной основе, а первичная составляющая этой основы – чёткое научное определение лица, привлечение к ответственности которого законодатель криминализировал – ст. 210¹ УК РФ фактически предусматривает ответственность за пребывание лица в соответствующем статусе, а не за его противоправные действия, что отводит правильному определению специального субъекта данного преступления особое место.

Исходя из проанализированных позиций, используемый в тексте уголовного закона, оборот «преступная иерархия» является более широким. Но чем шире категория, при отсутствии её легального определения, тем сильнее «размываются» границы определения специального субъекта. В ряде научных публикаций предпринимаются попытки определить содержание понятия «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии», или «лидер преступной иерархии», но единообразия подходов по-прежнему не наблюдается.

Обобщая имеющиеся подходы в определении лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии или лидера преступной иерархии, следует сделать вывод о том, что в данном уголовно-правовом статусе (в качестве специального субъекта преступления) выступает вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности и обладающее организационно-распорядительными (координирующими) функциями применительно к носителям криминальной идеологии, соблюдающим правила подчиненности нижестоящих участников преступной среды вышестоящим.

Помимо отсутствия легального определения анализируемой категории специального субъекта преступления, сам состав уголовно наказуемого

деяния, закреплённого в ст. 210¹ УК РФ вызывает множество проблем как теоретического, так и практического плана.

Ключевой составляющей объективной стороны анализируемого состава преступления выступает способ совершения деяния, установление которого имеет важное квалифицирующее значение. Представляется, что занятие лицом высшего положения в преступной иерархии можно охарактеризовать рядом взаимосвязанных этапов.

Подготовка к занятию высшего положения в преступной иерархии включает в себя действия по подбору и предварительному обсуждению кандидатуры претендента на данную роль. После подбора и утверждения претендента иницируется процедура присвоения лицу анализируемого специального статуса, которая носит обрядовый характер.

В содержание завершающего этапа присвоения лицу высшего положения в преступной иерархии входит выполнение данным лицом действий по подтверждению приобретенного статуса.

Как представляется, невыполнение какого-либо из обозначенных действий, характеризующих способ совершения анализируемого преступления, не позволяет нам считать деяние окончанным.

С учётом отсутствия законодательных ориентиров, позволяющих адекватно и однозначно определить содержание оценочных категорий, используемых законодателем при криминализации занятия высшего положения в преступной иерархии, представляется целесообразным включить в действующее Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» соответствующие разъяснения. Это позволит добиться стабилизации практики применения ст. 210¹ УК РФ и конкретизировать подход к правильной квалификации данного преступления.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Агапов П.В., Сальников Н.В., Кондратюк С.В. Актуальные вопросы реализации уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 3 (30). С. 49-55.
2. Андрюхин Н.Г. Минимальный возрастной признак субъекта преступления нуждается в уточнении // Вопросы ювенальной юстиции. 2011. № 2 (34). С. 19-25.
3. Антонян Ю.М. Преступность и психические аномалии. М. : Наука, 1987. 215 с.
4. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29.05.2018 г. № 51-АПУ18-4 // Документ официально опубликован не был. СПС «Консультант плюс».
5. Аргунов Ю. Применение нормы об ограниченной вменяемости // Российская юстиция. 1999. № 7. С. 37-40.
6. Беркумбаев Н.С. и Егоров А.Р. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблема квалификации и правоприменения // Вопросы российской юстиции. 2020. № 5. С. 143-422.
7. Борков В.Н. Занятие высшего положения в преступной иерархии: начало, содержание и конец преступления // Уголовное право. 2019. № 4. С. 11-16.
8. Боровых Л.В. Проблема возраста в механизме уголовно-правового регулирования. СПб., 1993. 320 с.
9. Бурлаков В.Н. Уголовное право и личность преступника. СПб. : Издательский дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2006. 473 с.
10. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М. : ЮрИнфоР, 2003. 513 с.
11. Гришко А.Я. Криминологическая характеристика лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии (часть 4 статьи 210

уголовного кодекса Российской Федерации) // Человек: преступление и наказание. 2016. № 3 (94). С. 84-88.

12. Гумасова М. Проблема личности преступника // Сборник научных статей студентов юридического факультета СКФ РПА Минюста России. Вып. 18. Махачкала, 2012. С. 107-110.

13. Дагель П.С. Учение о личности преступника в советском уголовном праве. Владивосток, 1970. 190 с.

14. Дуюнов В.К. Уголовно-правовое воздействие: теория и практика. М. : Научная книга, 2003. 520 с.

15. Зеленова Е.И. Возраст субъекта преступления как основание уголовной ответственности // Актуальные проблемы юриспруденции и психологии: материалы международной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых (21-25 апреля г.). Краснослободск, 2014. С. 88-93.

16. Ишигеев В.С., Лапша В.Л. Занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК): вопросы квалификации // Российский судья. 2020. № 6. С. 33-35.

17. Кадников Н.Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 50-55.

18. Катанов А.В., Румянцева Р.Р. Проблемы определения общественной опасности деяния, предусмотренного статьей 210.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Актуальные вопросы деятельности уголовно-исполнительной системы на современном этапе: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. / под общ. ред. А.А. Середина. Вологда, 2019. С. 57-61.

19. Келина С.Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ // Уголовное право: новые идеи. М., 1994. С. 47-51.

20. Кондратюк С.В. Способ совершения преступления в структуре занятия высшего положения в преступной иерархии // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 2 (98). С. 193-199.

21. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1991. 36 с.
22. Кочои С.М. Уголовное право. Общая и Особенная части: краткий курс. М. : КОНТРАКТ, Волтерс Клувер, 2010. 416 с.
23. Кудрявцев И.А. Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., 1988. 256 с.
24. Кудрявцев И.Л. Ограниченная вменяемость // Государство и право. 1995. № 5. С. 106-110.
25. Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. М., 1969. 259 с.
26. Куракин А.В., Сухаренко А.Н. Законодательное обеспечение борьбы с организованной преступностью, в том числе транснациональной // Российская юстиция. 2019. № 5. С. 28-31.
27. Литвяк Л.Г., Абрамян С.К. Уголовно-правовое значение невменяемости // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 10. С. 148-150.
28. Милаева М.Ю. Вменяемость и невменяемость в уголовном праве: спорные вопросы и их решения // Е-SCIO. 2020. № 12 (51). С. 52-62.
29. Михеев Р.И. Проблемы вменяемости, вины и уголовной ответственности (Теория и практика). М., 1995. 223 с.
30. Мондохонов А. Специальный субъект организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней) // Уголовное право. 2010. № 5. С. 53-57.
31. Мондохонов А.Н. Особенности уголовно-правового статуса лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 2. С. 182-184.
32. Мустаханов Р. Вопросы ограниченной вменяемости по Уголовному праву // Законность. 1998. № 7. С. 42-44.
33. Назаренко Г.В. Эволюция понятия невменяемости // Государство и право. 1993. № 3. С. 60-65.

34. Наумов А.В. Иммунитет в уголовном праве // Уголовное право. 1998. № 2. С. 20-25.
35. Новиков В.А. Занятие лицом высшего положения в преступной иерархии: уголовно-правовой аспект // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 108-120.
36. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М. : Рус. яз., 1987. 797 с.
37. Павлов В.Г. Признаки субъекта преступления в уголовном праве скандинавских стран и Финляндии // Тез. докл. междунар. 13-й конгр. по изучению истории, экономики, права, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. М., 1997. С. 264-265.
38. Пережогина Г.В. Вопросы уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 4 (50). С. 43-48.
39. Пикин И.В., Тараканов И.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: особенности уголовно-правовой квалификации // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 19. С. 500-509.
40. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8, август, 2010.
41. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1, январь, 2017.
42. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М., 1999. 620 с.
43. Рыпунов М.Ю. Соотношение понятий вменяемости и невменяемости в уголовном праве // Современные проблемы юридической науки: Материалы VIII Международной научно-практической конференции молодых исследователей (Юридический факультет Южно-Уральского государственного университета, 4-5 мая 2012 г.) В 2-х частях. Ч. II. Челябинск, 2012. С. 205-209.

44. Савельева В.С. Основы квалификации преступлений: учебное пособие. М. : Проспект, 2011. 80 с.
45. Ситковская О.Д. Психология уголовной ответственности. М., 1998. 290 с.
46. Скобликов П.А. Занятие высшего положения в преступной иерархии: продолжение разговора (к вопросу о толковании ст. 210.1 УК РФ) // Закон. 2019. № 11. С. 144-152.
47. Степанов-Егиянц В.Г. К вопросу о криминализации занятия лицом высшего положения в преступной иерархии // Российский следователь. 2019. № 5. С. 57-61.
48. Тарасова Ю.В. Специальный субъект преступления как квалифицирующий признак состава преступления // Научный портал МВД России. 2008. № 1. С. 47-52.
49. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Вече, 2001. 704 с.
50. Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / Под ред. В.К. Дуюнова. М. : РИОР: ИНФРА-М, 2019. 780 с.
51. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М. : Проспект, 2015. С. 26. 1184 с.
52. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. 704 с.
53. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2008. 560 с.
54. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М. : Статут, 2012. 879 с.
55. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

56. Федерального закона от 01.04.2019 г. № 46-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности» // СЗ РФ. 2019. № 14 (часть I). Ст. 1459.

57. Хлебницына Е.А., Шершакова Е.К. Занятие высшего положения в преступной иерархии: проблемы теории и практики // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 4. С. 132-137.

58. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология. М., 2007. 259 с.

59. Шеслер А.В. «Вор в законе»: криминальный статус или основание уголовной ответственности // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1 (42). С. 110-123.

60. Щукина Г.И. Возрастные особенности школьника. Л., 1995. 288 с.

61. Ялин А. Субъект преступления как условия уголовной ответственности // Российская юстиция. 2001. № 2. С. 50-56.